

Мезга, Н.Н. Отношения между Россией (СССР) и Польшей (1921 – 1932 гг.) в советской межвоенной историографии / Н.Н. Мезга // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БДУ, 2014. – с. 140 – 149.

Н. Н. МЕЗГА

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ (СССР) И ПОЛЬШЕЙ (1921—1932 гг.) В СОВЕТСКОЙ МЕЖВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Определены основные направления в советской межвоенной историографии исследований по истории польско-советских взаимоотношений в 1921—1932 гг. Установлено, что советские историки в то время стремились в негативном свете представить польскую политику в отношении СССР, объясняя это классовым подходом польских правящих кругов. Политический фактор оказался определяющим для развития советской историографии, что наряду с недоступностью основных источников делало проблематичным воссоздание объективной картины польско-советских отношений.

In the article the main directions of the carried research in Soviet interwar historiography on the history of Polish-Soviet treatment in 1921—1932 have been determined. It has been established that the Soviet historians at that time aimed to present Polish politics towards the USSR in the highest possible negative light, explaining that with class approach of Polish ruling community. The political factor turned to be determining for the development of Soviet historiography, and together with inaccessibility basic sources it made extremely problematic the reconstruction of objective picture of Polish-Soviet treatment .

Ключевые слова: советская историография, польско-советские отношения, Рижский договор, агрессивная политика, концепция федерации, политический фактор.

Keywords: Soviet historiography, Polish-Soviet treatment, Riga pact, aggressive politics, federation conception, political factor.

После подписания Рижского мира отношения между Россией, затем СССР, и Польшей отличались высокой степенью напряженности. При этом политике по отношению к Польше как крупнейшему соседу России в Европе советское руководство уделяло особое внимание. Этот

Мязга Мікалай Мікалаевіч — дэкан гістарычнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

фактор определил и высокую актуальность исследования польской внешней политики и отношений между Польшей и Россией для советской историографии еще в межвоенное время. В статье предпринята попытка определить основные направления проводимых в рамках исследований, выявить разработанные концепции, изучить вопрос их зависимости от политического фактора.

Общая характеристика международной ситуации, в которой оказалась Советская Россия после завершения войны с Польшей, дана в работах В. И. Ленина. По его мнению, после Рижского мира наступило неустойчивое равновесие между Советской Россией и капиталистическими странами. В этих условиях Советская Россия должна была проводить очень осторожную политику, чтобы сохранить мир, а фактором, который сильно угрожает миру, являлась политика Польши [1, с. 296, 297]. Ленинский тезис о польской угрозе миру был взят на вооружение советской историографией. Буквально с момента заключения Рижского договора она стала отстаивать точку зрения, что по вине правящих кругов Польши этот договор не стал основой для прочных добрососедских отношений между подписавшими его государствами, подчеркивала враждебный характер польской политики по отношению к советской стране сразу после окончания польско-советской войны. В вышедшей в середине 1920-х годов работе С. Я. Гессена акцент делается на росте военных расходов и сохранении в мирное время большой по численности армии Польши, что рассматривается автором как свидетельство ее агрессивности [2, с. 24, 35]. Он оценивает политику различных политических сил Польши по отношению к Советской России и приходит к выводу, что польские правые политические партии, прежде всего национальные демократы, были в меньшей степени враждебно настроены в отношении Советской России и «настаивали на соблюдении мирных отношений с ней». С. Я. Гессен связывает это с тем, что эндэция враждебно относилась к Германии и считала нужным поддержание дружеских отношений с СССР, чтобы противостоять германской угрозе. На близких позициях стояла и крестьянская партия В. Витоса. Но для польской социалистической партии, по мнению автора, характерна резкая антироссийская позиция и стремление вернуть Польшу к границам 1772 г. [2, с. 31, 32]. Близкой по содержанию является работа С. Петрухина. Польша изображалась в ней как милитаристское государство, вынашивающее агрессивные планы в отношении СССР и Германии и готовящее войну против них. В связи с этим отмечается рост военного производства в Польше [3, с. 16—18; 7]. В. И. Пичета отмечает, что Риж-

ский договор не смог заложить основы для мирных отношений между Советской Россией и Польшей «и инициатива враждебных отношений ... принадлежала Польской Республике» [4, с. 147].

Точку зрения о враждебности политики Польши по отношению к СССР развивает в конце 1920-х гг. В. П. Друнин. В качестве первых враждебных действий польского правительства после заключения Рижского договора им называется «зверское обращение» с советскими военнопленными в польских лагерях, саботаж польскими властями работы смешанной комиссии по установлению границы на местности, поддержка деятельности контрреволюционных русских организаций на территории Польши. Враждебное отношение польского правительства к Советской России, по его мнению, стало проявляться и в том, что «сейчас же после заключения Рижского мира» оно стало высказывать официальные «совершенно необоснованные обвинения» советскому правительству «в агитации против установившегося в Польше государственного строя» [5, с. 193, 194]. При этом В. П. Друнин подчеркивает, что все жизненные интересы Польши требуют поддержания хороших отношений с Советской Россией и только классовая ненависть ее правящих кругов объясняется напряженностью в польско-советских отношениях [5, с. 207]. Таким образом, именно классовый аспект ставился В. П. Друниным во главу угла при изучении политики Польши по отношению к Советской России. Агрессивной политике Польши им противопоставляется советская миролюбивая политика, благодаря которой и удалось избежать взрыва новой войны уже в 1921 г. [5, с. 194].

Для таких утверждений у советских историков были определенные основания. А. П. Грицкевич отмечает в своей монографии, что Ю. Пилсудский был явно не удовлетворен Рижским договором. 3 декабря 1920 г. на встрече с группой офицеров он заявил: «Мы должны снова занять Киев и Минск, чтобы объединить в федерацию или унию с Польшей всю Украину, Беларусь и Литву. К сожалению, сейчас мы это сделать не можем» [6, с. 505]. Но это могли быть планы на перспективу. При этом следует учитывать, что внешняя политика Польши даже в тот момент определялась не только Пилсудским, но и представителями правых партий.

Для советских историков представлялось важным объяснить причины агрессивности Польши в отношении России. А. Василевский в этой связи писал, что сразу после заключения Рижского договора «польский фашизм» стал активно готовиться к новому циклу захватнических войн, «...чтобы окончательно осуществить свой план создания на территории

Советского Союза федерации государств, подчиненных Польше» [7, с. 8]. Еще одна причина, по которой Польша готовилась к новой войне, считает указанный автор, связана с тем, что без свержения власти пролетариата в России невозможно упрочение власти капитала в Польше. К войне против СССР Польшу подталкивали англо-французские империалисты. Кроме того, польский «фашизм при помощи оружия рассчитывает завоевать на Востоке рынки для польских товаров ...» [7, с. 26, 27]. Концепция, согласно которой враждебная политика Польши по отношению к Советской России во многом обусловлена влиянием крупных капиталистических государств, получила широкое распространение в советской историографии. Она характерна и для работы Я. Радопольского. В ней указывается, что Польша, которая идет в фарватере французской политики, ведет активную подготовку к войне как с СССР, так и с Германией [8]. Как видим, наряду с классовым антагонизмом антисоветский курс польского руководства советская историография объясняет влиянием на ее политику великих держав Запада.

В качестве факторов, порождающих агрессивную политику Польши против СССР, были экономические интересы польской буржуазии, ее стремление захватить рынки на Востоке. По мнению М. Вислянского, это стремление лежало в основе политики польских правящих кругов еще во время киевского похода Пилсудского в 1920 г. После майского переворота у власти в Польше снова находятся те же политики, которые пытаются «пробиться на восточные рынки под видом стремления к осуществлению идеи “федеративной Польши”». М. Вислянский считает, что программа федерализма «не была сдана в архив и осталась путеводной звездой для большей части польской буржуазии и помещиков. После майского переворота польская дипломатия начала последовательно, шаг за шагом, стремиться к ее осуществлению» [9, с. 121].

Л. Волынский писал, что «...польский фашизм продолжает лелеять мечту о восстановлении границ 1772 г. и присоединении, в дополнение к оккупированным Западной Украине и Западной Белоруссии и Виленщине, всей Литвы, Советской Белоруссии и Правобережной Украины с Киевом и Одессой». Он выделяет прежде всего классовые причины агрессивности Польши, указывая на стремление вернуть земли крупным польским помещикам. Моментом, негативно влияющим на польско-советские отношения, являются контакты польских политиков с «украинской буржуазией», имеющие целью «воссоздание буржуазной Украины, федеративной с Польшей [10, с. 22, 23]. Таким образом, классовое непринятие Советской России, стремление отторгнуть от нее запад-

ные окраины путем реализации концепции федерации толкали, по мнению советских историков, правящие круги Польши на враждебную СССР политику. Такая политика была обусловлена также экономическими интересами польских помещиков и буржуазии и давлением крупных капиталистических государств.

Советская историография обращает внимание на поиск Польшей союзников для войны против СССР. По мнению Я. Радопольского, проявлением этого является ее участие в союзах с Францией и Румынией [8, с. 16, 19, 20]. В качестве враждебного СССР элемента внешней политики Польши называет ее стремление создать военный блок с прибалтийскими государствами А. Василевский [7, с. 26, 27]. Она стремилась включить в антисоветский блок прибалтийские государства, в том числе Литву. М. Вислянский отмечал в этой связи, что в конце 1927 г. польское правительство принудило Литву признать прекращение состояния войны с Польшей. Польская дипломатия стремилась не допустить участия прибалтийских стран в подписании Московского протокола к пакту Бриана — Келлога. Конечная цель польской активности в Прибалтике — втянуть государства региона в антисоветский блок. Для организации интервенции в СССР ей также нужно сближение с Германией, без включения последней в антисоветский блок интервенция против СССР невозможна [9, с. 116, 117, 121].

М. Вислянский считал, что с возвращением в 1926 г. к власти Пилсудского возобновилась польская политика, в основе которой — стремление к завоеванию колоний на Востоке за счет Советского Союза. В связи с этим Польша снова мыслила создать союз с Францией как направленный прежде всего против СССР. Она стремилась к приданию этому союзу антисоветской направленности в то время, когда ее внешнюю политику определял Пилсудский, который являлся самым ярким представителем «антисоветского направления во внешней политике Польши» [11, с. 43, 44]. Л. Вольтский также указывает на франко-польский союз как на фактор антисоветской политики Польши. Он пишет, что возглавляемый Францией блок государств, куда входит и Польша, «является основной силой и организующим ядром интервенции против Советского Союза». В случае польско-советской войны Франция обязалась снабжать польскую армию необходимым военным снаряжением и командировать в польскую армию достаточные кадры инструкторов и советников [10, с. 7]. По мнению Р. Лапинского, польско-французское сотрудничество было особенно активным в период рурского кризиса. Он отмечал, что оккупация Рура «...пробудила у

польских союзников Франции аппетиты на недополученные части Верхней Силезии на правом берегу Одера и на Восточную Пруссию» [12, с. 15].

Другим антисоветским блоком, в котором состоит Польша, как считал Л. Волинский, является польско-румынский союз, начало которому положил «гарантийный договор от 1921 г.». Этот договор был расширен в 1926 г. и подписан еще в более полной редакции в Женеве в январе 1931 г. Он предусматривает, что в случае войны против СССР одной из сторон вторая выставляет против него 9/10 своих вооруженных сил, причем под общим командованием польского генерального штаба. Главкомандующим объединенными польско-румынскими войсками был назначен Пилсудский, получивший звание маршала Румынии. Л. Волинский указывает на визит Пилсудского в Кишинев в апреле 1932 г. как на факт, свидетельствующий об укреплении этого союза [10, с. 6, 7, 33]. Как видим, советская историография придавала системе союзов, в которой участвовала Польша, исключительно агрессивный антисоветский характер и рассматривала ее как фактор, отрицательно влиявший на польско-советские отношения.

Одним из наиболее острых в польско-советских отношениях после Рижского договора был вопрос о границе. Советская историография пыталась доказать несправедливость границ, установленных в Риге. В. И. Ленин в некоторых документах фактически подтвердил стремление России к пересмотру границ с Польшей. В телеграмме Г. В. Чичерину от 14 мая 1922 г. он предлагал при постановке вопроса о восточных границах Польши и Румынии всячески подчеркивать, что «эти границы — препятствия установлению мира, но делать это осторожно, дабы не навлечь нареканий об отступлении от Рижского договора» [13, с. 187]. По мнению Ю. Мархлевского, из-за второго польского коридора, который был образован присоединением к Польше северо-западных районов Беларуси, Россия теряет возможность сообщения через Литву с Западом, Литва — непосредственного сообщения с Россией. Он писал: «...этот коридор, создающий совершенно излишние границы, представляет огромные препятствия для торговли России и Литвы, не давая Польше никаких выгод, и должен стать причиной беспрестанных конфликтов» [14, с. 40].

К. Радек в своей работе, изданной в 1923 г., заявил о намерении Советской России вернуть утраченные ею западные окраины и связал эти надежды с революцией. Он указал, что признание Россией независимости Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы связано с пре-

восходством сил Антанты. Россия не собиралась возвращать эти территории вооруженной силой, но «если, наученные горьким опытом, окраинные государства поймут необходимость собрать воедино все силы для борьбы за освобождение, если это сознание заставит их стремиться к соединению с Советской Россией — они будут ею приняты как равноправные члены Федерации Советских Республик» [15, с. 45].

А. Мануильский на III съезде коммунистической партии Польши в 1925 г. фактически подтвердил, что целью советской политики является ликвидация независимой буржуазной Польши. Правда, это должно было произойти не в результате вооруженного вторжения Красной Армии, а с помощью революционного выступления польского пролетариата. Необходимость этого обосновывалась тем, что Польша — «это гнойный нарост на востоке, это государство, предназначение которого состоит в том, чтобы отделять русский пролетариат от немецкого и задержать развитие революционного движения у Березины» [16, с. 38].

Однако сколько-нибудь существенной научной разработки вопрос о борьбе России за пересмотр рижской границы в то время не получил.

Советская историография анализировала влияние положения России и Польши в Версальской системе на характер отношений между ними. В. И. Ленин следующим образом высказался по этому поводу: «Из Польши Версальский договор создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с русским коммунизмом и который Антанта рассматривает как орудие против большевиков» [17, с. 324]. При этом советские политические деятели постоянно подчеркивали, что в рамках Версальской системы на польскую политику по отношению к России решающее влияние оказывали Франция и другие страны Антанты. К. Радек отмечал, что постановления Версальского договора «приковали Польшу к победной колеснице Франции, сделали ее стражем Версальского договора на востоке Европы» [18, с. 4]. Далее он обосновал идею о направленности Версальского договора против России, причем не только советской. Это связано с тем, что без ликвидации России как великой державы невозможна «политика удушения Германии» [18, с. 21]. Таким образом, политика Польши в поддержку Версальской системы рассматривалась советскими исследователями как еще один фактор, отрицательно влиявший на польско-советские отношения.

Ряд советских исследователей буквально сразу после заключения Рапалльского договора обратили внимание на влияние германского фактора на польско-советские отношения. А. Иоффе в одной из своих работ признавал, что этот договор фактически имел характер союзного:

«Никто не сомневался, что если бы Франция действительно заняла Рурский округ, а одно из близких Франции балтийских государств совершило наступление на Германию с другой стороны, мы не остались бы равнодушны, хотя в русско-германском договоре и нет никаких пунктов, обязывающих нас к каким-либо действиям, направленным на защиту Германии» [19, с. 19]. А. Ерусалимский отмечал, что правящие круги Польши увидели в советско-германском сближении угрозу для своей страны, и этим была вызвана крайне негативная реакция Польши на Рапалльский договор. При этом советская историография не признавала реальности этой угрозы и обоснованности польской негативной реакции [20, с. 97].

В советской межвоенной историографии указывалось, что в 1924—1925 гг., несмотря на имевшиеся существенные противоречия, сложились объективные предпосылки для улучшения советско-польских отношений, но они не получили должного развития. Так, отмечалось, что в 1924 г. польский посланник в Москве Л. Даровский начал с советским правительством переговоры о заключении торгового договора. Однако вскоре он был отозван, а переговоры прерваны. Все же двум странам удалось заключить железнодорожную и почтово-телеграфную конвенции [21, с. 275].

В качестве фактора, который создавал объективные предпосылки для улучшения польско-советских отношений, советские авторы называли Локарнские соглашения. П. Л. Лапинский видел в проекте Гарантийного пакта стремление Англии вовлечь в антисоветский блок наряду с Францией и Польшей Германию. Лондон стремился добиться уступок со стороны Польши в пользу Германии, «чтобы впоследствии объединенные силы этих государств вовлечь в войну против СССР». При этом П. Л. Лапинский считал, что от войны с СССР Польша может «мало выиграть и слишком много потерять», поэтому войну не начнет [22, с. 70, 71]. По мнению М. Вислянского, ухудшение внешнеполитического положения Польши в связи с подписанием Локарнских соглашений было связано с той угрозой, которая возникла со стороны Германии для польских границ. Это обстоятельство, а также «экономическое положение опять же толкает Польшу в направлении СССР». Однако поворота в польской политике в сторону сближения с СССР во второй половине 1920-х годов не произошло. Наиболее очевидно это проявилось в нежелании Польши идти на подписание с СССР торгового договора или какого-либо другого соглашения. Указанный автор пишет: «Приходится констатировать, что польская буржуазия в целом не имеет на-

мерения заключать торговый договор с СССР, точно так же как уклоняется от всякого политического соглашения». Это связано с тем, что в условиях государственной монополии внешней торговли в СССР у польских деловых кругов нет уверенности в том, что торговый договор поможет им в проникновении на советский рынок [9, с. 120]. А. Стефанович указывал, что в сложившейся для Польши в связи с Локарнскими соглашениями ситуации единственный способ усилить свое международное положение — сближение с СССР. Но польское правительство не решилось «в этом вопросе проявить необходимую инициативу и энергию». Политика А. Сксиньского сводилась к лавированию между Англией и СССР [23, с. 28, 29].

Таким образом, советские историки в 1920—30-е гг. при изучении польско-советских отношений основной акцент сделали на доказательство агрессивного характера польской внешней политики, ее враждебности по отношению к Советской России (СССР). При этом отчетливо проявился классовый подход в советской историографии. Польская политика объяснялась классовыми интересами польских помещиков и буржуазии и влиянием буржуазии крупных капиталистических стран. Исследования советских историков не отличались детальной реконструкцией исторических событий с опорой на широкий круг источников, а носили скорее публицистический характер. Авторы стремились в наилучшем свете представить польскую политику по отношению к СССР и идеализировали советскую политику на польском направлении. Фактически советская историография межвоенного времени выступала как элемент идейно-политической борьбы между СССР и Польшей на международной арене. Политическая ангажированность и отсутствие доступа к основной массе источников по исследуемой проблеме делали для советских исследователей весьма проблематичным воссоздание объективной картины польско-советских отношений после подписания Рижского договора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ленин В. И.* О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 года // Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит.-ры, 1981. Т. 44. С. 291—329.
2. *Гессен С. Я.* Окраинные государства: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. М. : Прибой, 1925. 150 с.
3. *Петрухин С.* Как Польша готовится к войне. М. : Гос. воен. изд-во, 1926. 32 с.

4. *Пічэта В.* Польска-савецкія адносіны і Рыжскі мір // *Польша*. 1928. № 6. С. 126—147.
5. *Друнин В. П.* Польша, Россия и СССР. Исторические очерки. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 219 с.
6. *Грицкевич А. П.* Борьба за Украину, 1917—1921. Минск : Соврем. шк., 2011. 528 с.
7. *Василевский А.* Польша. М. : Изд-во ЦК МОРП, 1929. 32 с.
8. *Радопольский Я.* Польша готовится к войне. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 123 с.
9. *Вилянські М.* Замежная палітыка польскага фашызму // *Польша*. 1930. № 3. С. 112—123.
10. *Вольнский Л.* Антисоветский союз шести. Франция и ее союзники. М. : Партиздат, 1932. 40 с.
11. *Вилянський М.* Внешняя политика Польши на современном этапе // *Пропагандист*. 1935. № 10. С. 42—47.
12. *Лапинский П.* Рурская победа г. Пуанкаре и развал Европы. М. : Красная новь, 1929. 106 с.
13. *Ленин В. И.* Телеграмма Г. В. Чичерину 14 мая 1922 г. // *Полн. собр. соч.* : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1981. Т. 45. С. 187.
14. *Мархлевский Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М. : Гос. изд-во, 1921. 43 с.
15. *Радек К.* Внешняя политика Советской России. М. : Гос. изд-во, 1923. 112 с.
16. *Мануильский А.* Коммунистическая партия Польши и германский вопрос. Доклад на III съезде компартии Польши. М. : Пролетарий, 1925. 56 с.
17. *Ленин В. И.* Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства. 2 октября 1920 г. // *Полн. собр. соч.* : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1981. Т. 41. С. 319—333.
18. *Радек К.* Ликвидация Версальского мира. Доклад IV Конгрессу Коммунистического Интернационала. М. : Изд-во Коммунистического Интернационала, 1922. 64 с.
19. *Иоффе А.* От Генуи до Гааги : сб. ст. М. ; Пг. : Гос. изд-во. 1923. 44 с.
20. *Ерусалимский А. С.* Германия, Антанга и СССР. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1928. 188 с.
21. *Мировая политика в 1924 г.* : сб. ст. / под ред. Ф. Ротштейна. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1925. 324 с.
22. *Лапинский П. Л.* Гарантийный договор и международное положение. М. : Изд-ва «Правда» и «Беднота», 1925. 78 с.
23. *Стефанович Р.* Кризис Польской республики // *Переворот в Польше и Пилсудский*. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 20—39.